

Варвара Жданова

«Отстать от подобострастия». Драматург Булгаков.

По словам Пушкина, в пьесе о событии отечественной истории «драматический поэт, беспристрастный, как судьба, должен был изобразить столь же искренно, сколь глубокое, добросовестное исследование истины и живость воображения юного, пламенного ему послужило», потрясение, утвердившее Россию «на ее огромном основании». И далее об этом идеальном «драматическом поэте»: «Он не должен был хитрить и клониться на одну сторону, жертвуя другою. Не он, не его политический образ мнений, не его тайное или явное пристрастие должно было говорить в трагедии, но люди минувших лет, их умы, их предрассудки. Не его дело оправдывать и обвинять, подсказывать речи. Его дело воскресить минувший век во всей его истине».

Как известно, эта статья Пушкина написана о пьесе М.П. Погодина «Марфа Посадница». Пушкин задается вопросом и сам приводит ответ:

«Исполнил ли сии первоначальные необходимые условия автор «Марфы Посадницы»?

Отвечаем: исполнил, и если не везде, то изменило ему не желание, не убеждение, не совесть, но природа человеческая, всегда несовершенная».

Многое из сказанного применимо к драматургической задаче Булгакова — автора «Дней Турбиных».

Булгаков искренне, по убеждению и совести, желал подняться над противоборствующими в Гражданской войне лагерями. «Хитрить и клониться на одну сторону, жертвуя другой», «подсказывать речи» героям — этого он избегал, несмотря на оказываемое давление.

«Марфа Посадница» — историческая пьеса. Но Россия Турбиных, старая Россия, на глазах уходила в прошлое, становилась историей. Перед Булгаковым стояла задача «воскресить минувший век во всей его истине».

В пьесе «Дни Турбиных» юнкера поют:

Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя,
То, как зверь, она завоет,
То заплачет, как дитя.

Хрестоматийное стихотворение «Зимний вечер» очень любимо Булгаковым. Оно цитируется в ряде его произведений. Булгакова привлекает идея противостояния Дома бесовской метели.

В пьесе Дом Турбиных противопоставлен революционной буре. Он постепенно разрушается под ее натиском.

«Дни Турбиных» и «Зойкина квартира» писались почти одновременно.

Читаем в «Театральном романе»:

«Из-под полу по вечерам доносился вальс, один и тот же (кто-то разучивал его), и вальс этот порождал картинку в коробочке, довольно странные и редкие. Так, например, мне казалось, что внизу притон курильщиков опиума, и даже складывалось нечто, что я развязно называл — «третьим действием». Именно сизый дым, женщина с асимметричным лицом, какой-то фрачник, отравленный дымом, и подкрадывающийся к нему с финским отточенным ножом человек с лимонным лицом и раскосыми глазами. Удар ножом, поток крови. Бред, как видите! Чепуха! И куда отнести пьесу, в которой подобное третье действие?»

28 октября 1926 года состоялась премьера «Зойкиной квартиры» в Театре Вахтангова.

Любовь Евгеньевна Белозерская-Булгакова пишет:

«В «Зойкиной квартире» звучит грустный и томный рахманинский напев «Не пой, красавица, при мне ты песен Грузии печальной...». Эту мелодию М.А. тоже любил напевать».

Ностальгический романс на пушкинские слова сопровождает появления «бывшего графа» Обольянинова (в последней редакции — Абольянинов).

Обольянинов отгораживается от настоящего, живет воспоминаниями.

«Рояль внезапно обрывает бравурное место, начинает романс Рахманинова.

Нежный голос поет:

Не пой, красавица, при мне

Ты песен Грузии печальной...

Обольянинов стремительно входит, вид его ужасен...

Голос поет:

...Напоминают мне оне

Другую жизнь и берег дальний...

Обольянинов ... Никому нельзя верить. И голос этот льется, как горячее масло за шею... Напоминают мне они... другую жизнь и берег дальний...

Голос упорно поет: «...Напоминают мне оне...»

Обольянинов. Напоминают... мне они... другую жизнь. У вас доме проклятый двор. Как они шумят. Боже! И закат на вашей Садовой гнусен. Голый закат. Закройте, закройте сию минуту шторы!

Зоя. Да, да. (Закрывает шторы)

Наступает тьма».

Будущего у Обольянинова нет.

Сам Булгаков так характеризовал своего героя:

«Абольянинов: бывший граф, лет 35, в прошлом очень богатый человек, в настоящее время разорен. Морфинист. Действительности, которая его окружает, не может ни понять, ни принять; одержим одним желанием — уехать за границу...

Воля его разрушена...

Музыкален. Романс, который он постоянно напевает, «Не пой, красавица, при мне...» и дальше: «Напоминают мне они...» — вне сомнения, какое-то навязчивое явление у Абольянинова».

Обратим внимание, что Булгаков, фактически, объясняет разрушенной волей навязчивое желание Обольянинова уехать за границу.

«Серафима. Что это было, Сережа, за эти полтора года? Сны? объясни мне! Куда, зачем мы бежали? Фонари на перроне, черные мешки... потом зной! Я хочу опять на Караванную, я хочу опять видеть снег! Я хочу все забыть, как будто ничего не было!..

Голубков. Ничего, ничего не было, все мерещилось! Забудь, забудь! Пройдет месяц, мы доберемся, мы вернемся, и тогда пойдет снег, и наши следы заметет...

Серафима. Идем! Конец!

Оба выбегают из комнаты Хлудова. Константинополь начинает гаснуть и угасает навсегда».

Булгаковских героев в последней картине (сне) «Бега», как и в финале «Белой гвардии», посещает апокалипсическое видение «новой земли и нового неба» (новой России).

В начале 1928 года пьеса «Бег» готовилась к постановке во МХАТе. Театру не удалось ее отстоять. После долгих мытарств, в конце октября того же года, последовало окончательное запрещение пьесы Главреперткомом.

11 декабря 1928 года в московском Камерном театре состоялась премьера пьесы «Багровый остров». На сцене были явлены: драматург, сочинивший «острую» пьесу о красных туземцах и белых арапах; забытые работники театра; цензор — всемогущий самодур Савва Лукич. Прототипом Саввы Лукича был один из литературных неприятелей Булгакова — В.И. Блюм, театральный критик, начальник отдела драматических театров Реперткома.

Главный Репертуарный Комитет искоренял в советских драматургах тягу к свободомыслию.

«Это он воспитывает илотов, панегиристов и запуганных «услужающих». Это он убивает творческую мысль. Он губит советскую драматургию и погубит

ее», — говорит Булгаков о Главреперткоме (письмо правительству от 28 марта 1930 года).

Булгаков уверен, что драматург не должен быть «услужаящим» панегиристом.

Можно найти интересные совпадения, параллели с суждениями Пушкина из уже цитированной нами статьи «О народной драме и драме «Марфа Посадница». Пушкин говорит о драматурге, сочинявшем придворные пьесы:

«Он не предавался вольно и смело своим вымыслам...

Он боялся унижить такое-то высокое звание, оскорбить таких-то спесивых своих зрителей — отсеяла робкая чопорность, смешная надутость... привычка смотреть на людей высшего состояния с каким-то подобострастием и придавать им странный, нечеловеческий образ изъяснения».

Пушкин считает, что новой народной драме нужно «отстать от подобострастия».

Видимо, льстивая, льнущая к власти, «придворная драматургия» приживается в любом обществе. Истинный художник противостоит этой псевдолитературе всеми силами.

В «Багровом острове» высмеивается ситуация, сложившаяся благодаря Реперткому, когда лишь «придворные пьесы» принимаются к постановке.

В письме к правительству от 28 марта 1930 года Булгаков отмечает:

«Борьба с цензурой, какая бы она ни была и при какой бы власти она не существовала, мой писательский долг, также как призывы к свободе печати. Я горячий поклонник этой свободы и полагаю, что, если кто-нибудь из писателей задумал бы доказывать, что она ему не нужна, он уподобился бы рыбе, публично уверяющей, что ей не нужна вода».

«Багровый остров» недолго продержался на сцене.

6 марта 1929 года было опубликовано решение Главреперткома о запрете всех пьес Булгакова.

М.М. Яншин (незабываемый Лариосик в «Турбинах») говорит:

«...Булгаков был необычайно жизнерадостным человеком. Казалось, что все трудное проходит мимо него, но, по существу, он был необыкновенно раним.

Форма защиты у него была своеобразная. После того, как его обвинили чуть ли не в сочувствии белогвардейщине, он стал подчеркнуто старательно причесывать свои непослушные волосы, носить белоснежные крахмальные воротнички, стал держаться, я сказал бы, с какой-то подчеркнутой старомодностью».

После премьеры «Дней Турбиных» Булгаков отправился в фотографическую мастерскую и снялся в образе лощеного врага с моноклем в глазу. Всем известна эта фотография, поражающая несоответствием фатовского внешнего антуража выражению печальной решительности в глазах.

В феврале 1929 года на масленую Булгаков познакомился с Е.С. Шиловской, своей будущей третьей женой.

Сестра Елены Сергеевны – Ольга Сергеевна Бокшанская служила в Художественном театре секретарем В.И. Немировича-Данченко (выведена под именем Поликсены Торопецкой в «Театральном романе»). Е.С. Шиловская была замужем (вторым браком) за крупным советским военным начальником Евгением Александровичем Шиловским.

Елена Сергеевна вспоминает:

«В 29-м году все его пьесы были сняты со сцены, и он остался в совершенно трагическом положении, потому что его никуда не брали: даже рабочим сцены, даже типографским рабочим. Он был обречен на полную нищету. В 30-м году он был в полном отчаянии. (Я, видимо, не очень точно выражаюсь, потому что слово отчаяние — к нему никак не подходит. Это человек несгибаемый».

Булгаков пишет новую пьесу «Кабала святош». 18 марта 1930 года приходит извещение о ее запрете. Булгаков в отчаянии.

Елена Сергеевна продолжает:

«И вот в 30-м году Михаил Афанасьевич понял, что он должен обратиться в правительство с точным описанием своего положения, своей судьбы в прошлом и в данное время и поставить вопрос так... Или его следует выпустить за рубеж... Или же дать возможность работать в Советском Союзе...

Он написал по семи адресам, и мы разнесли эти письма по всем семи адресам. Письмо попало к Сталину. Сталин позвонил через 20 дней, письмо было написано 28 марта 30-го года, а 18 апреля был звонок. И Сталин сказал: «Мы получили с товарищами ваше письмо, и вы будете иметь по нему благоприятный результат». Потом, помолчав секунду, добавил: «Что, может быть, вас, правда, отпустить за границу, мы вам очень надоели?»

Это был неожиданный вопрос. Но Михаил Афанасьевич быстро ответил: «Я очень много думал над этим, и я понял, что русский писатель вне родины существовать не может». Сталин сказал: «Я тоже так думаю. Ну, что же, тогда поступить в театр?» — «Да, я хотел бы». — «В какой же?» — «В Художественный. Но меня не принимают там». Сталин сказал: «Вы подайте еще раз заявление. Я думаю, что вас примут». Через полчаса, наверное, раздался звонок из Художественного театра. Михаила Афанасьевича пригласили на работу. Он пошел и с этого времени стал работать там режиссером-ассистентом».

Из письма М.А. Булгакова П.С. Попову (от 7 мая 1932 года):

«Как только меня назначили в МХТ, я был введен в качестве режиссера-ассистента в «Мертвые души»... Одного взгляда моего в тетрадку с инсценировкой, написанной приглашенным инсценировщиком, достаточно было, чтобы у меня позеленело в глазах... Коротко говоря, писать пришлось мне».

«Итак, мертвые души... Через девять дней мне исполнится 41 год. Это — чудовищно! Но тем не менее это так.

И вот, к концу моей писательской работы я был вынужден сочинять инсценировки. Какой блистательный финал, не правда ли? Я смотрю на полки и ужасаюсь: кого, кого еще мне придется инсценировать завтра? Тургенева, Лескова, Брокгауза-Ефрона? Островского? Но последний, по счастью, сам себя инсценировал, очевидно предвидя то, что случится со мною в 1929—1931 гг.»

Действие пролога последней редакции инсценировки происходит в столичном трактире. Здесь секретарь опекунского совета подает Чичикову идею купить и заложить покойников. На заднем плане — кутеж. В шумной компании пирует Пушкин. Может быть, Пушкин увидел Чичикова и заинтересовался им?

Драматург обыгрывает легенду о том, что сюжет «Мертвых душ» найден Пушкиным и великодушно подарен младшему брату.

Театр требовал переделок инсценировки. Большинство новаторских идей драматурга театр не принял.

Премьера состоялась 28 ноября 1932 года.

Осенью 1931 года к Булгакову с предложением написать пьесу о будущей мировой войне обратилась заведующая литературной частью ленинградского Красного театра Екатерина Михайловна Шереметева. Спектакль поставлен не был, пьеса «Адам и Ева» написанная Булгаковым по договору, Красному театру не понравилась.

Но Е.М. Шереметева стала приятельницей Булгакова, оставила интересные воспоминания о знакомстве с ним.

«Я не успела еще сесть на предложенный Михаилом Афанасьевичем стул, как из третьей двери вышла женщина лет тридцати пяти, миловидная. Лицо ее показалось мне усталым и невеселым. Булгаков познакомил нас. Не помню, назвал он Любовь Евгеньевну женой, или это и так было ясно. Она очень тепло, даже ласково, поздоровалась и сказала:

- Мне приходится сразу же проститься с вами...

Я вдруг почувствовала себя неловко, словно неосторожно заглянула в чужую неблагополучную жизнь.

Ощущение не обмануло меня, в те же дни мои добрые знакомые, хорошо знавшие Любовь Евгеньевну Белозерскую, рассказали мне, что отношения двух хороших, благородных людей не сложились и назрел разрыв. У Булгакова я больше не бывала и никогда не видела Любовь Евгеньевну... Раза два я просила передать ей привет, Михаил Афанасьевич сдержанно благодарил».

Из первой редакции пьесы «Блаженство»:

«Евгений. Оставь меня.

Мария Павловна. Нет, не оставлю!

Евгений. Да, я знаю, ты не оставишь меня. Ты мой крест.

Мария Павловна. Куда же я пойду? Бессердечный человек!

Евгений. Я не гоню тебя. Я прошу, чтоб ты сейчас меня оставила, не мешала бы мне работать.

Мария Павловна. Мне интересно, когда на этом потолке высыпают звезды, про которые ты мне рассказывал.

Евгений. Я не для тебя собирался усеивать звездами потолок.

Мария Павловна. Ты – сумасшедший!

Евгений. Ты – женщина нормальная. Но еще раз прошу, оставь меня.

Мария Павловна. Нет! Мне хочется сказать тебе всю правду.

Евгений. Я вижу, что мне сегодня все равно не работать. Я слушаю.

Мария Павловна. Когда я выходила за тебя замуж, я думала, что ты живой человек. Но я жестоко ошиблась. В течение нескольких лет ты разбил все мои мечты. Кругом создавалась жизнь. И я думала, что ты войдешь в нее.

Евгений. Вот эта жизнь?

Мария Павловна. Ах, не издевайся. Ты – мелкий человек.

Евгений. Я не понимаю, и в конце концов, разве я держу тебя? Кто, собственно, мешает тебе вступить в эту живую жизнь? Вступи в партию. Ходи с портфелем. Поезжай на Беломорско-Балтийский канал. И прочее.

Мария Павловна. Наглец! из-за тебя я обнищала. Идиотская машина, ни гроша денег, растеряны знакомства... над всем издевается... Куда я пойду? Ты должен был пойти!

Евгений. Если бы у меня был револьвер, ей-Богу, я б тебя застрелил.

Мария Павловна. А я жалею, что ты не арестован. Если бы тебя послали на север и не кормили бы, ты бы быстро переродился.

Евгений. А ты пойдешь, донеси. Дура!

Мария Павловна. Нищий духом! Наглец!

Евгений. Нет, не могу больше. (Уходит в соседнюю комнату)

Мария Павловна (идя за ним). Нет, ты выслушаешь меня».

В октябре 1932 года Булгаков разводится с Л.Е. Белозерской и женится на Е.С. Шиловской, принявшей фамилию Булгакова. Елена Сергеевна вспоминала, как Булгаков сказал ей: «Против меня был целый мир — и я один. Теперь мы вдвоем, и мне ничего не страшно».

Общество новой формации в пьесе «Блаженство» (1929—1934) изображено в традициях романа «Мы» (Булгаков был дружен с Евгением Замятиным до отъезда того за рубеж).

«Блаженство» не принадлежит к лучшим драматическим произведениям Булгакова. Картины будущего бледны. Возможно, потому что драматург не был убежден в грядущей победе коммунизма.

По пьесе, о Пушкине забыли в коммунистическом будущем

О Пушкине не слышала даже верхушка нового общества: Радаманов (Нарком Изобретений, в первой редакции — Председатель Совнаркома), его дочь Аврора, ее жених Саввич. Пушкина знают лишь гости из прошлого: инженер Рейн (изобретатель машины времени), вор Милославский и домоуправ Бунша (последний — не наверное).

«Милославский. Анеточка, вы бы лучше пошли бы, послушали, что они там говорят на заседании.

Анна. На что ты меня толкаешь?

Милославский. Ну, как хочешь... Пускай погибну я, но прежде я в ослепительной надежде...

Анна. Твои стихи?

Милославский. Мои.

Анна. Я иду. (Уходит)».

«Милославский. Это серьезная касса. (Засучивает рукава)

Рейн. Дурак, она заперта шифром!

Милославский. Женечка! Мы все учились понемногу... (Взламывает)»

Но это — всего лишь смешные репризы.

Две другие пушкинские строчки сопровождают пьесу, действие идет под их знаком.

С темными намерениями проникнув в комнату гражданина Михельсона, Милославский заглянул в раскрытую книгу и прочел:

Богат и славен Кочубей.

Его луга необозримы.

И с тех пор без конца декламирует эти строчки, вызывая недоумение остальных персонажей.

«Гость. Стихи какие-то дурацкие... Не поймешь, кто этот Кочубей...»

У Пушкина в «Полтаве» (см. Песнь первую) Кочубей «богат», «славен» и поэтому горд. Но более всего

Прекрасной дочерью своей

Гордится старый Кочубей.

Так Радаманов гордится своей Авророй. Как и пушкинской Марии, Авроре предан прекрасный юноша. Казалось, они родились друг для друга. Но, подобно Мазепе, является нежданный гость Рейн и новая Мария бросает все ради него. У Пушкина молодой казак, влюбленный в Марию, погибает от руки приспешника Мазепы. В первом варианте «Блаженства» Саввича убивал Милославский (в последней редакции Милославский просто угрожает ножом).

Первый вариант ближе к пушкинскому сюжету. Возможно, еще более «пушкинским» был сожженный черновик.

Вероломный Мазепа стремится сам выстроить судьбу, пытается нарушить ход истории, Рейн строит машину времени. Для Булгакова традиционно изобразить судьбу в виде сложной машины («механизм судьбы» в буквальном смысле).

Рейн пытается найти «тайну движения судьбы»:

«И поверьте мне, что, если только мне удастся добиться этой чертовой тайны, я действительно улечу».

Тонкий знаток и ценитель оперы, М.А. Булгаков, вряд ли, обошел вниманием «Мазепу» П.И. Чайковского. Эта опера начала широко ставиться уже в советские годы.

В пьесе Булгакова некоторые эпизоды (например, сцена побега Рейна с Авророй) напоминают сцены из оперы Чайковского (побег Мазепы и встреча с безумной Марией). Тут герои Булгакова даже и говорят «по-оперному»: их реплики кратки и чуть выпрєнны.

В опере:

Мария.

Оставь меня, оставь меня!

Твой взор насмешлив и ужасен...

Его усы белее снега,

А на твоих застыла кровь!

У Булгакова в параллельном эпизоде:

«Анна. Нет, нет, ты страшен!..

Аврора. Боже, он в крови! Помочь ему?»

В опере подруги называют Марию «зоренька ясная» (почти Аврора).

К опере «Мазепа», возможно, отсылает «признание» Милославского, что он — «солист императорских театров» и родился при Петре Великом.

Милославский – вор, обчистивший комнату по соседству. Но при первом знакомстве изобретатель Рейн простодушно посчитал Милославского выходцем из прошлого, неосторожно вызванным машиной времени.

«Рейн. Я сейчас сплавлю его обратно. Только мне хочется установить эпоху. Кто вы такой?»

Милославский. Солист императорских театров...

Рейн. Какой царь царствует сейчас в России?

Милославский. К сумасшедшему попал.

Рейн. При каком царе вы родились?

Милославский. При Петре Великом, тьфу ты, дела...»

Из первой редакции «Блаженства»:

«Рейн. Я человек иной эпохи и прошу отпустить меня.

Радаманов. Дорогой мой, безумцем я назвал бы того, кто отпустил бы вас...

Рейн. Довольно. Я понял. Вы не отпустите меня.

Радаманов. Ах, голубь мой. Зачем же такие жестокие слова! Мы просим, мы молим вас остаться с нами, не покидать нас. Вы не пожалеете, смею уверить вас. О, Рейн. Пройдет краткий срок, и ваша психология изменится резчайше. О, как жаль, что вы не родились в наш век. Забудьте свою эпоху!

Рейн. Я пленник!»

Булгаков считал себя «человеком иной эпохи». И тоже просил отпустить его. Вообще, диалог из «Блаженства» напоминает телефонный разговор Сталина с Булгаковым. «Что, мы вам очень надоели?»

Булгаков остается на родине и своей жизнью утверждает право художника на свободу, пушкинскую линию судьбы.

Примечание.

Материал статьи опубликован в составе монографии «Служение и венец. Пушкин в творчестве Михаила Булгакова» издательством LAP Lambert Academic Publishing.